

УДК 903.5:393

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С НАБОРАМИ АСТРАГАЛОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕТСКОЙ СФЕРЫ САКРАЛЬНОСТИ

С. В. Сотникова

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева, 626150, г.Тобольск, ул.Знаменского, д. 58
svetlanasotnik@mail.ru

Рассматриваются детские погребения с наборами астрагалов (альчиков), представленные на памятниках эпохи бронзы евразийских степей (синташтинских, петровских, потаповских, алакульских, срубных). Выделяются две возрастные группы: от младенчества до 5–6 лет и от 6–7 до 13–15 лет, дается обоснование этого деления. Исследуется только первая группа погребений, характерной чертой которой является отсутствие половой идентификации детей. Привлечение для проведения аналогий широкого круга этнографических источников позволяет прийти к выводу о том, что в эпоху бронзы существовала особая, детская, сфера сакральности. Она охватывала область не только детских вещей, но и игр.

Ключевые слова: памятники синташтинского, петровского, потаповского типов, алакульская культура, срубная культура, погребение, игра, сакральная сфера жизни.

Погребения с наборами альчиков (астрагалов) неоднократно привлекали внимание исследователей. В эпоху бронзы на территории евразийских степей эта традиция была представлена на памятниках ямного, катакомбного, срубно-андроновского времени и в более поздние периоды. Соответствующие находки сделаны как в детских, так и во взрослых захоронениях. В данной статье рассматриваются материалы погребений населения андроновской (алакульской) и срубной культур, а также предшествующих им памятников синташтинского, петровского и потаповского типов. Население этих культур обычно связывают с индоевропейской или индоиранской традициями.

Неоднократно исследователи предпринимали попытки соотнести находки наборов альчиков в погребениях с возрастом умерших. Е.В.Куприянова в ходе изучения андроновских материалов с территории Южного Зауралья – алакульских и предшествующих им синташтинских – причислила альчики (астрагалы) к предметам, встречающимся преимущественно в погребениях детей и подростков. В синташтинских памятниках 20,5% таких находок сделаны в погребениях детей, в основном старшего возраста, 63% – в погребениях подростков и только 16,5% – во взрослых погребениях. В алакульских памятниках характер распределения находок иной: 92,2% их сосредоточено в детских погребениях, 7,8% – в подростковых, во взрослых они практически отсутствуют [Куприянова, 2001, с. 325]. С.С.Марков также отмечает, что наблюдается устойчивая тенденция к преобладанию детских погребений с наборами астрагалов над взрослыми. В синташтинское время на 11 взрослых погребений приходится 27 детских, в петровское – на 1 взрослое 5 детских, в алакульское – на 3 взрослых 17 детских. Им было изучено 215 астрагалов и выделено несколько видов следов воздействия: астрагалы со следами заглаженности с одной или двух сторон (47 экз.), с изменением цвета поверхности (17), с насечками (3), со срезами (3), с небольшими отверстиями в периферийной части (2). Он отмечает, что астрагалы со следами воздействия входили в состав обычных выкладок и не выделялись особым положением. С.С.Марков предлагает несколько вариантов интерпретации этих находок: в качестве набора для игры в кости, как гадальные кости, как символы благополучия и как обереги [Марков, 2002, с. 41–44].

В памятниках срубной культуры Среднего Поволжья прослеживается та же закономерность – абсолютное большинство погребений с альчиками принадлежало детям и подросткам. Захоронения детей и подростков сопровождалась ими в 73 случаях, что составляет 77,7%; в погребениях взрослых людей альчики отмечены лишь 16 раз. Иногда астрагалы встречались в коллективных погребениях, где есть дети. В одном захоронении обнаружено от 1 до 159 альчиков. Отмечено, что погребения с астрагалами имеют тенденцию к группировке как внутри кургана, так и по курганам внутри могильника [Крамарев, Кузьмина, 1999, с. 85].

В ходе изучения срубных могильников Северского Донца и Донецкого Приазовья была произведена корреляция половозрастных определений с категориями погребального обряда и инвента-

ря (в том числе астрагалов), что позволило выделить характерные признаки детских и взрослых захоронений. Причем признаки эти носят как чистый, так и частный по тенденции характер. Наличие астрагалов в детских и подростковых погребениях было отнесено к числу чистых признаков [Литвиненко, 1996, с. 53].

Суммарные количественные показатели по регионам, безусловно, важны, но за этими общими показателями исчезает своеобразие каждого памятника, иногда содержащего достаточно значимый материал. Прежде всего обратимся к материалам детских погребений с наборами альчиков. Среди них представляется возможным выделить две возрастные группы: от младенчества до 5–6 лет и от 6–7 до 13–15 лет. Такое деление находит подтверждение в материалах по этнографии иранских народов, а также народов, включающих в свой состав индоиранский компонент или имеющих индоевропейские корни.

В традиционной культуре персов ребенок до 5 лет назывался *кудак*, *кудаке хордсал*, до 10–12 – *баче*, соответственно «девочка» обозначалась *дохтар баче*, «мальчик» – *песар баче*. В деревнях уже с 6 лет дети помогают родителям: мальчики пасут овец, коз и держат их во время доения, девочки участвуют в домашних работах вместе с матерью, ухаживают за младшими, приучаются к ковроткачеству. Следующая возрастная категория – от 13 до 25–30 лет – представлена термином *джаван*, что переводится как «совершеннолетний». В сочетании с *дохтар* и *песар* эти слова обозначают соответственно «молодая девушка» и «юноша, молодой человек». В то же время отмечается, что в современном Иране нет четких границ переходных возрастных ступеней, какие были в древнем Иране, когда пора зрелости наступала в 15 лет. С этого времени юноша и девушка после обряда инициации считались полноправными членами зороастрийской общины и имели право носить пояс – *кустик* [Асатрян, 1983, с. 72–73, 75].

Подобные этнографические свидетельства касаются таджиков, что представляет для нас несомненный интерес, так как формирование этого населения происходило на иранской основе [Моногарова, 2000, с. 507]. Согласно материалам Е.М.Пещеревой, собранным в 1924–1935 гг., говоря о детях до четырех-пятилетнего возраста, горные таджики называли их общим словом *кудак/гудак* – «дитя», «ребенок» и почти не делали различия в costume. В большинстве горных мест маленькие девочки и мальчики одинаково были одеты в одну только рубаху. Особых различий в жизни самых маленьких детей, их игрушках и играх не наблюдается. Позже, годам к шести, детей уже начинают обозначать по полу, называя *бача*, *псар* мальчиков и *дохтар* – девочек. Девочек начинают одевать более нарядно. Игры и игрушки мальчиков и девочек уже сильно разнятся. Девочка постепенно начинает привлекаться к домашнему хозяйству, а мальчик – к сельскохозяйственным работам [Пещерева, 1957, с. 23–24].

У восточных славян ребенок до определенного возраста считался как бы бесполом существом. По отношению к младенцам применялись термины среднего рода типа *дитя* или собирательные (*мелочь*, *тварня* и др.) [Байбурин, 1991, с. 257]. Д.К.Зелениным был отмечен обычай называть дитя мальчиком независимо от пола [Зеленин, 1930, с. 31].

Подобное выделение двух детских возрастных групп, в том числе терминологическое, прослеживается и в более отдаленных культурных традициях. Г.В.Грачева по нганасанским материалам выделяет две детские возрастные группы: *ню* – ребенок независимо от пола, *тыбыйка* – мальчик, *нербэ’э* – девочка [1976, с. 244–245]. К сожалению, она не называет точные возрастные рамки этих групп.

Таким образом, деление детей на младшую и старшую возрастные группы во многих традиционных культурах было оформлено терминологически, причем в названиях младшей возрастной группы отсутствовало деление по полу.

Граница между двумя детскими возрастными группами приходилась на возраст от 5 до 7 лет. А.К.Байбурин отмечает, что, «как показывают исследования детства, возраст от 5 до 7 лет во многих (если не во всех) культурных традициях считается особым периодом. В этом возрасте дети сами начинают осознавать свою половую принадлежность, что проявляется, например, в характере детских игр, выборе партнеров и т. п. С другой стороны, именно половая идентификация считается признаком “появления ума” у детей» [Байбурин, 1991, с. 262].

Согласно этнографическим данным переход ребенка из младшей возрастной группы в старшую зависел не столько от реального биологического возраста ребенка, сколько от проведения ритуалов, направленных на приобретение пола. А.К.Байбурин, опираясь на восточнославянский ма-

териал, высказал предположение, что «в конкретных локальных традициях установлены свои (часто весьма различающиеся) сроки, когда возникает необходимость придания существующим “природным” признакам пола качественно нового статуса “культурных” признаков. До тех пор пока такое преобразование не совершено, естественные половые различия не имели смысла. Только с помощью специальных ритуальных операций они... получали своеобразную санкцию на существование» [Байбурина, 1991, с. 257–258]. По мнению этого исследователя, наделение ребенка признаками пола у восточных славян связано с ритуалом пострига, который у разных славянских народов приходился на период с 3 до 7 лет. Этот ритуал включал такие основные моменты, как посадка ребенка на или рядом с объектом, символизирующим мужскую или женскую сферу деятельности (для мальчиков – конь, топор, борона, сабля и т.п.; для девочек – веретено, прялка, чесальный гребень, пряжа и т.п.); пострижение волос мальчику и заплетение косы девочке; переодевание их соответственно в мужскую или женскую одежду (мальчик впервые надевал штаны или шапку, девочка – юбку, иногда – платок) [Там же, с. 258].

Аналогичная ситуация прослеживается по материалам Средней Азии. Как отмечают исследователи, различие полов в большинстве культур Средней Азии начинало внешне оформляться по достижении детьми 5–7 лет. С этого возраста повсеместно девочкам начинали отращивать волосы на затылке, но виски и темя выстригали по-прежнему [Попова, Старостина, 2007, с. 178]. Таким образом, «обретение пола» у народов этого региона также связано с волосами, появлением различий в прическе соответственно полу.

Вопрос о том, почему именно прическа являлась первым «культурным» маркером пола у детей, был рассмотрен в работе А.К.Байбурина. Он считает, что такой признак как нестриженные, небубренные волосы сближает людей и животных. Ритуальное обрезание волос является очередной операцией по отделению ребенка от «природы» и включению его в «культуру». Кроме того, автор обращает внимание на то, что в традиционных представлениях связь волос с языком и разумом очень устойчива, ритуальная стрижка способствует «развязыванию языка» и «появлению ума» [Байбурина, 1991, с. 260–262].

Приведенные этнографические данные свидетельствуют о том, что в традиционных обществах пол человека – это не биологический признак, а социальная характеристика, которую приобретает ребенок после специальных ритуалов и которая находит отражение в терминологии.

Подробное обоснование возрастных границ между двумя группами детей представляется нам необходимым условием дальнейшего рассмотрения детских погребений с альчиками, так как оно свидетельствует о том, что эти возрастные границы выбраны нами не случайно. Что касается верхней возрастной границы для второй группы детских погребений, то она определяется нами как 13–15 лет, потому что обряд инициации – посвящения в группу взрослых – обычно приходился в традиционных обществах на возраст 12–15 лет [Итс, 1974, с. 55].

В данной статье рассматриваются только детские погребения с альчиками первой возрастной группы – от младенчества до 5–6 лет. Сложность разделения погребений по группам на археологическом материале обусловлена тем, что не всегда имеется точное антропологическое определение возраста детей, нередко исследователи просто ограничиваются общими определениями – «ребенок», «младенец», «подросток». В этом случае только определение «младенец» может относиться к первой возрастной группе, а определение «подросток», соответственно, ко второй. Погребение, по отношению к которому применено определение «ребенок», мы пока воздержимся причислить к какой-либо группе.

К погребениям первой возрастной группы (от младенчества до 5–6 лет), в которых обнаружены альчики, отнесены следующие синташтинские, петровские, потаповские, алакульские и срубные памятники.

Большекараганский могильник, синташтинский курган 25, могилы 7, 10, 18. В погребении 7 был захоронен ребенок 2–2,5 лет, перед его лицом находилась выкладка из 5 астрагалов. Из них 2 – крупного рогатого скота, 3 – овцы. В заполнении погребения 10 встречены кости шести человек, как взрослых, так и детей, что позволило предположить, что эта камера в качестве склепа функционировала длительное время. Кроме того, в полу ямы было выявлено еще два отдельных детских захоронения (Ж и З), с которыми и связаны находки альчиков. Возраст детей 1,5–2 года. По мнению авторов, эти два погребения наиболее ранние. В ногах костяка Ж был положен набор мелких костей овцы – 7 астрагалов, 3 фаланги и 3 клыка корсака, на черепе – бусина из серпентинита.

В детском захоронении 3 за спиной погребенного лежал набор из 13 астрагалов разных животных: овцы – 7 экз., козы – 3, сайги – 2, кабана – 1, на черепе – каменная бусина. Погребение 18 содержало парное детское захоронение 3–5 (А) и 1–2 лет (Б), оба костяка лежали скорченно, на левом боку. В головах – развалы 3 керамических сосудов, на венчик одного из них надеты 2 нижние челюсти кабана. У лица погребенного А лежал медный нож, а чуть далее размещалась выкладка в составе 2 галек, 2 астрагалов кабана и 3 астрагалов овцы. Кроме того, 4 овечьих астрагала размещались у лицевой части черепа скелета Б [Аркаим: некрополь..., 2002, с. 34–37, 43, 47, 69, 72].

Могильник Каменный Амбар-5, синташтинско-петровский курган 2, могила 6. В могиле обнаружено скопление 18 астрагалов (12 – овцы, 1 – козы, 4 – сайги, 1 – кабана), которое сопровождало погребение младенца, находившееся на уровне перекрытия [Костюков, Епимахов, Нелин, 1995, с. 162].

Кривое озеро, могильник синташтинско-петровского типа, курган 10, могила 43. Возле черепа ребенка (до 3 месяцев) находилось скопление астрагалов [Виноградов, 2003, с. 98, 106, 216; Косинцев, 2003, с. 336, 337; Рыкушина, 2003, с. 357].

Синташтинский большой грунтовой могильник. В погребении 32 был захоронен младенец в скорченном положении, на боку. В головах находились 2 сосуда, рядом лежали 21 астрагал и кость ноги барана. Около берцовых костей найдено скопление бисера, у грудной клетки – подвеска из раковины [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 221–222].

Курганный могильник Обилькин Луг III, курган 17, погребение 4. Погребение 4 синташтинского типа было основным в кургане. На дне обнаружен плохо сохранившийся костяк младенца 6–8 месяцев на левом боку, головой на ЮЗ. За черепом ребенка располагался сосуд, между черепом и юго-западной стенкой лежал литой бронзовый кинжал, перед лицом – плоский топор, здесь же найдено 3 овечьих альчика [Денисов, 2001, с. 42].

Потаповский могильник, курганы потаповского типа. Погребение 14 кургана 5 содержало три детских костяка в скорченном положении на левом боку: костяк 1 в возрасте 6–7 лет, костяк 2 – 5–6 лет, костяк 3 – 3–6 лет. При всех погребенных находились медные ножи, а при костяке 2 даже 2 – у тазовых костей и под черепом. Альчики обнаружены при самом младшем из детей (костяк 3), они находились возле колен рядом с сосудом, здесь же расчищен металлический крючок с петлей [Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 39–41; Яблонский, Хохлов, 1994, с. 190, табл. 1].

Из алакульских памятников представляют интерес могильник Тасты-Бутак I в Западном Казахстане (кожумбердынский тип). В могиле 2 ограды 6 обнаружены кости ребенка или двух детей, один в возрасте 5–6 лет, на правом боку. Среди сопровождающего инвентаря – несколько бараньих астрагалов и обломки тонкого бронзового предмета (колечко?). В могиле 1 оградки 19 обнаружен костяк ребенка 4–5 лет, при котором 8 бараньих альчиков: 6 – перед грудью, 1 – у темени и 1 – в заполнении могилы. В могиле из ограды 31 найдены кости ребенка в возрасте около 1,5 года. На месте сохранились только длинные кости правой руки и ноги. Там, где должно быть лицо погребенного, обнаружено 13 бараньих астрагалов. В могиле из ограды 42 присутствовали кости скелета ребенка в возрасте около 4 лет и 11 астрагалов [Сорокин, 1962, с. 14, 16, 17, 19, 20, 21, 23].

На памятниках срубной культуры Волго-Уральского междуречья в погребениях детей первой возрастной группы количество альчиков, как правило, незначительно. В могильнике Натальино II в кургане 18, в погребении 3, захоронен ребенок 6 месяцев и найдено 2 альчика барана, в погребении 4, содержащем кости ребенка 2 лет, – 4 альчика барана [Памятники срубной культуры..., 1993, с. 20–53].

Таким образом, количество альчиков в погребениях детей в возрасте до 5–6 лет невелико, в среднем от 2 до 8. Однако встречаются погребения, где их число достигает 20, причем в основном это погребения младенцев. Так, в Синташтинском большом грунтовой могильнике, в погребении младенца 6–8 месяцев, обнаружен 21 астрагал (могила 32), в могильнике Каменный Амбар-5, в погребении младенца, было 18 астрагалов (могила 6, курган 2), в Большекараганском могильнике (могила 10, курган 25) и Тасты-Бутак I (огр.31), в погребениях детей 1,5–2 лет, по 13 астрагалов. Безусловно, дети младенческого возраста сами не могли играть в какие-то даже простейшие игры с костями. По-видимому, назначение таких наборов костей в погребениях младенцев было другое.

Для понимания находок астрагалов в погребениях детей младшей возрастной группы обратимся к этнографии тех народов, у которых значительную роль в хозяйстве играло скотоводство. Почтительное отношение к детским вещам сохранилось в культуре алтайских народов. Как отмеча-

ет Л.Э.Каруновская, алтайцы вешают над колыбелью ребенка связку костей горного козла, барана и птицы (какой именно птицы – ей не удалось выяснить) и называется вся эта связка *шалтрак*. На вопрос о его значении они сдержано объясняли, что кости вешаются для забавы ребенка. Когда зыбка качается, косточки ударяются друг о друга и этим забавляют малыша. Л.Э.Каруновская высказала сомнение в том, что эта связка косточек являлась только детским развлечением. Она отмечает, что алтайцы весьма неохотно показывают предметы, относящиеся к маленьким детям и избегают вдаваться в подробности, касающиеся жизни ребенка [Каруновская, 1927, с. 28].

Более определенные сведения, связанные с данным обрядом, содержатся в коллективной монографии о мировоззрении тюрков Южной Сибири. Исследователи отмечают, что «несформировавшийся, неокрепший костяк ребенка был предметом забот родителей. Возможно, магическим средством укрепления костяка у алтайцев служила связка бараньих бабок (*шалтырак*), которую вместе с пуповиной ребенка привязывали к его колыбели» [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 60]. В данном случае связка костей животных прежде всего выполняла апотропейную функцию, являлась предметом сакральным, а уже во вторую очередь служила в качестве игрушки, которая забавляла ребенка. Вероятно, подобным образом можно интерпретировать находки альчигов в погребениях детей первой возрастной группы.

В материалах эпохи бронзы имеются и более детальные соответствия этим представлениям. В могильнике петровского типа Аксайман (Северный Казахстан), в могиле 10 кургана 4, ребенок захоронен на левом боку в скорченном положении, а вдоль его тела располагались 18 астрагалов [Зданович, 1988, с. 80]. Местонахождение альчигов в данном случае можно рассматривать как магическое средство укрепления костяка ребенка.

В рассматриваемой группе детских захоронений эпохи бронзы присутствуют не только простые комплексы, состоящие из альчигов (астрагалов), но и более сложные, в которых помимо астрагалов присутствовали просверленные клыки животных (Большекараганский могильник, курган 25), раковины (Синташтинский большой грунтовой могильник), челюсти кабана (Большекараганский могильник), гальки (Большекараганский могильник, курган 25). Представляет интерес наличие в погребениях этой группы оружия и орудий. Так, в погребении младенца 6–8 месяцев из могильника Обилькин Луг III обнаружены литой бронзовый кинжал и плоский топор, в погребении ребенка 3–5 лет из Большекараганского могильника – бронзовый нож, в захоронении четырех детей из Потаповского могильника, самому взрослому из которых было 6–7 лет, – 4 бронзовых ножа.

Как показывают этнографические данные, дети в возрасте от рождения до 5–6 лет не были связаны с производственной сферой и тем более с военной. Главной заботой родителей в первые годы жизни ребенка – уберечь его от многочисленных болезней и несчастных случаев, источниками которых согласно традиционному мировоззрению являлись многочисленные злые духи. Поэтому такие находки, как оружие (нож, кинжал, топор), гальки, клыки животных, челюсти кабана, раковины, по-видимому, рассматривались в качестве предметов, способных обезвредить злых духов, и выполняли прежде всего функцию защиты ребенка. Это предположение может быть подкреплено многочисленными этнографическими примерами.

По материалам Н.П.Дыренковой, собранным у шорцев, для защиты ребенка мать вешала около двери юрты или дома лапу медведя или коготь, к люльке прикреплялись нижняя челюсть белки, заячья шкура или раковина каури, называемая белый зуб. Такие раковины, одну или несколько,шивали также на шапки маленьких детей, когда с ними переезжали через перевал гор. На шею маленьких детей как амулет привязывали зуб марала. Однако наиболее распространенным обычаем является прикрепление к колыбели ребенка или около нее на стене дома или юрты маленького лука и стрелы. Раньше у алтайцев вместо маленького лука вешали в юрте настоящие лук и стрелу [Дыренкова, 2012, с. 248].

В материалах Н.П.Дыренковой, собранных у киргизов, содержится также описание обряда, связанного с положением ребенка в колыбель. Обряд проводили женщины. Они приносили топор, плоский камень, лопату, ветку можжевельника и 4 коленные косточки барана, все это укладывали на кошму около колыбели. В ходе обряда женщины помещали в колыбель топор, камень и, наклонив колыбель в сторону ног, пропускали эти вещи через дугу, соединяющую задние ножки колыбели. Они повторяли действия три раза и каждый раз бросали сверху в колыбель, на положенный топор, коленные косточки барана, которые также скатывались после наклона в отверстие дуги колыбели. Одна из женщин зажигала можжевельник и окуривала им колыбель, обводя зажженной

веткой три раза вокруг колыбели и просовывая ветку под верхнюю перекладину люльки. При этом она приговаривала «Алас-алас, освобождение от всякого несчастья». После положения ребенка в колыбель рядом оставляли плетень. Кроме того, киргизы считали, что первые сорок дней жизни ребенка особенно нуждается в охране от злых духов. Поэтому возле колыбели клали большой нож, а к колыбели привязывали всевозможные амулеты [Абрамзон, 1949, с. 110–111, 119].

Киргизы также применяли различные меры для охраны женщины от злых духов во время родов. Днем и ночью в помещении горел огонь. Около очага клали нож острием к двери. На решетчатый остов юрты над головой женщины вешали заряженное ружье. Кроме того, вешали или подстилали шкуру волка или медведя, приносили беркута или сову. Звали кузнеца, который принимался ковать в юрте [Там же, с. 96].

В данных обрядах представляет интерес то, что с охранительными целями использовались разное оружие или орудия – лук и стрелы, топор, нож, плетень, ружье, камень, а также зубы, когти, челюсти, шкуры диких животных, иногда даже живые птицы-хищники – беркут, сова. В то же время в одном из обрядов применялись коленные косточки барана, что вполне соответствует присутствию в погребениях детей младшего возраста эпохи бронзы как альчииков, так и камней, раковин, клыков, предметов вооружения (нож, кинжал и топор). Представляется, что в погребениях детей первой возрастной группы все вещи выполняли прежде всего охранительную функцию, выступали как обереги. В то же время альчики, камешки, гальки могли являться и первыми игрушками ребенка.

Как правило, игра в кости (альчики) считается мальчишеским увлечением, но она характерна для мальчиков старшей возрастной группы [Шаганова, 2010, с. 67]. Рассматриваемый нами археологический материал эпохи бронзы интересен тем, что обнаруженные погребения детей сопровождалось не только альчиками и оружием, но и украшениями, что для мальчиков не характерно. Так, в погребении 10 Большекараганского могильника при костяках детей 1,5–2 лет положены альчики, просверленные клыки, а также по одной каменной бусине на каждом из черепов. Та же картина наблюдалась, по-видимому, в погребении 32 Синташтинского большого грунтового могильника, где в погребении младенца наряду с альчиками находились скопление бисера и просверленная раковина.

Можно увеличить количество погребений с украшениями за счет тех погребений, где возраст ребенка не определен. В том же Синташтинском большом грунтовом могильнике, в погребении 15, содержалось захоронение двух детей с плохой сохранностью костяков. Возле черепа одного из них обнаружены 4 астрагала барана, 6 бусин, бронзовый нож и костяная втулка, возле черепа другого – 2 астрагала и обломки медных пластин [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 170–171]. В могильнике синташтинско-петровского типа Кривое озеро, в могиле 4 (курган 9), 3 астрагала, лежащие вплотную друг к другу, находились у лобной части черепа ребенка, из них 2 принадлежали овце, 1 – свинье. Под нижней челюстью обнаружены 3 фаянсовые бусины [Виноградов, 2003, с. 98]. В могильнике Спасское III алакульского типа, в погребении 9 кургана 1, захоронен ребенок. На левом виске найдена бронзовая подвеска в золотой фольге. В головах стоял сосуд и рядом с ним 6 астрагалов [Стоколос, 1972, с. 165].

Обращение к этнографическому материалу не позволяет найти однозначного объяснения этого феномена. Одну из возможных версий представляет киргизский материал. Если в семье часто умирали мальчики или рождались только девочки, то долгожданному мальчику давали имя девочки и одевали как девочку, чтобы обеспечить ему долговечность. Иногда родившемуся мальчику надевали на ногу браслет, продевали в ухо одну серьгу, заплетали косу. С.М.Абрамзон отмечает, что не так давно мальчикам вообще заплетали две или одну косу около ушей, называемую «самай». Сейчас этот обычай остался лишь в тех семьях, где не выживают мальчики, где имеется единственный сын в семье, или в тех, где родителем мальчика является пожилой человек [Абрамзон, 1949, с. 107–108, 123]. Исходя из этнографических данных можно предложить несколько вариантов интерпретации археологического материала. Возможно, в погребениях с альчиками и украшениями захоронены дети мужского пола. Использование украшений в данном случае имело цель ввести в заблуждение злых духов и тем самым сохранить жизнь мальчику. Вместе с тем нельзя исключать и другой вариант интерпретации: пол детей младшей возрастной группы с социальной и ритуальной точки зрения просто не имел значения. Украшения в погребениях детей младшего возраста выполняли прежде всего роль оберегов и не служили указанием на половую принадлежность

ребенка, поэтому с ними хоронили как тех, так и других.

Своеобразием погребений первой возрастной группы детей является также то, что в них не встречаются обработанные или окрашенные альчики. Кроме того, в синташтинских погребениях в состав наборов костей входят альчики не только домашнего скота, но и диких животных (сайги, кабана). Эта ситуация может объясняться тем, что дети до определенного возраста считались принадлежащими не человеческому, а иному, природному, миру и поэтому окружались подобными вещами.

К сказанному следует добавить, что многие характеристики младенцев явно тяготеют к характеристикам мира природы. Ребенок говорил на непонятном взрослым языке, близком к звучанию природного мира. В этой связи челканцы одно и то же слово *пагыр* «кричать» употребляли в отношении маленьких детей и косуль. Среди стариков-карагасов существовал обычай называть маленького человека «чужак» или «ягненок». Оставаясь в какой-то мере «природными» существами, дети, с точки зрения традиционного общества, сохраняли связь и с иным пространством [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 148].

Вероятно, в древности существовала особая детская сфера сакральности. В.М. Кулемзин, рассматривая угорскую (прежде всего хантыйскую) культуру, отмечал, что, когда с символами сверхъестественного мира вступает в контакт взрослый человек, он действует посредством вещи (жертвы). Ребенок же вступает в эту связь непосредственно, так как сам принадлежит не к реальному, а к потустороннему миру. Достаточно важным представляется вывод В.М. Кулемзина о том, что особой сакрализацией был наделен мир вещей стариков и детей, детских игр. «Степень сакрализации здесь может быть сравнима с атрибутами разного рода шаманов» [Кулемзин, 2003, с. 382–383]. Так, он отмечает, что у хантов р. Вах сакрализован клюв гагары, причем в большей степени, чем сама гагара. Причина такого рода сакрализации заключается в том, что клюв гагары подвешивался к спинке детской колыбели, а в прошлом его использовали как наконечник стрелы [Там же, с. 383]. Материалы угорской этнографии для нас особенно важны, так как, по мнению ряда исследователей, контакты индоиранского и угорского населения уходят в глубокую древность [Абаев, 1981, с. 84–89].

Существование подобной детской сферы сакральности отмечается исследователями и исходя из материалов тюрков Саяно-Алтая, которые считали младенческий лепет разговором, в котором собеседником ребенка выступала богиня Умай. Буряты прежде полагали, что маленький ребенок знает все, о чем говорит сам с собою. Есть люди, которые понимают детский говор. Если у буряты маленький ребенок сильно лепечет, то приглашают человека, понимающего детский язык. При этом стараются сделать так, чтобы ребенок об этом не знал. Считалось, что если он узнает, то не будет говорить. Тогда ребенка нужно обмануть, например, приглашенный человек, знающий детский язык, должен притвориться спящим или сделать вид, что он уехал. Исследователи полагают, что понимание «знающими» людьми детского языка, вероятно, сродни получению шаманом информации от существ иного мира [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 148–149].

Согласно данным этнографии сакрализован был не только мир детских вещей, но и мир игр. Обращаясь вновь к первой группе детских погребений с альчиками, следует отметить, что сами дети в этом возрасте вряд ли выступали как гадалки и предсказатели. Однако игра ребенка воспринималась взрослыми как явление иного мира, по характеру которого они пытались предсказать какие-то будущие события. «В действиях малышей, причастных стихиям природы, взрослые искали и угадывали ведовское начало, обнаруживали в детской игре откровения и пророчества. По бурятским поверьям, если маленький ребенок смотрел на ладони своих рук, он вырастал здоровым; если же он смотрел на тыльную сторону ладоней, это предвещало болезнь...» [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 130]. Такое отношение распространялось и на детей постарше. Полагали также, что если дети, играя, как бы косят сено, ставят копны, то это предвещает хороший урожай хлеба и травы; когда дети играли камнями, это предвещало тяжелый год для скота и потомства [Там же].

Особое, по существу сакральное, отношение к детским играм сохранилось и в культуре горных таджиков. В день праздника весеннего равноденствия, который еще в начале XX в. являлся у них главным праздником в году, открывался сезон весенних детских игр. В этот день взрослые, сидя на войлоках, разостланных на крышах, угощали друг друга праздничными блюдами, а дети играли в разные игры. Взрослые особенно внимательно наблюдали за тем, как играют дети, так как по характеру детских игр и по тому, во что они играют, гадали о том, как пройдет предстоящий год.

Если игры у детей ладилась и они играли дружно и не ссорясь, то год должен был быть спокойным и удачным; если дети ссорились или играли в слишком шумные игры, переходящие в свалку, год будет беспокойным. Особый интерес представляет тот факт, что начиная именно с праздника весеннего равноденствия мальчики начинали играть в кости. Кроме того, в день весеннего равноденствия дети являлись непременно участниками целого ряда обрядов, так как считалось, что их участие в зачинании какого-либо дела обеспечивает ему удачу [Пещерева, 1957, с. 64, 65].

Об отношении к детской игре как явлению сакральному свидетельствуют также запреты, налагаемые на некоторые детские забавы и игры, которые могли привести к нежелательным последствиям. Из алтайских народов особенно серьезно к детским забавам относились хакасы. Ребенку запрещалось играть с огнем, солнечным зайчиком, тенью. Ему не давали играть гребенкой – заболит молочницей, вечером жевать серу – останется сиротой. Если ребенок хлопал в ладоши, его руки разводили в стороны, плевали три раза на ладони, сажей чертили крестик, пытаясь тем самым предотвратить несчастье, так как по хакасскому обычаю в ладоши хлопали лишь при плохих вестях – в случае смерти кого-либо. А.М.Сагалаев и И.В. Октябрьская на основании изучения материалов о тюркских народах Саяно-Алтая приходят к выводу, что «в мифоритуальной концепции детской игре и ее атрибутам приписывалась магическая сила, соотносимая с возможностями шаманского камлания» [1990, с. 130–131].

Как отмечают этнографы, в среде башкир, калмыков, каракалпаков взрослые осуждают слишком азартный характер игры в альчики у старших детей и подростков. Г.Р.Шагапова высказала предположение о том, что здесь мы встречаемся со следами некогда существовавшего осуждения игромании у взрослых [2010, с. 69]. Осмелюсь предположить, что в форме запрета на слишком большой азарт в игре выражалось бытовавшее когда-то сакральное отношение к игре в кости, которая была не просто детской забавой.

Таким образом, альчики помещались в погребения детей уже самого раннего возраста, но сначала как оберег и в определенной степени как забава. Принимая во внимание выводы этнографов о том, что пол детей младшей возрастной группы с социальной и ритуальной точки зрения не имел значения, следует отметить, что находки в погребениях альчиков, даже в сочетании с оружием или украшениями, не могут однозначно свидетельствовать о гендерной идентификации ребенка. Опираясь на археологический материал по эпохе бронзы и привлекая для проведения аналогии широкий круг этнографических источников, можно прийти к выводу о том, что в эпоху бронзы существовала особая детская сфера сакральности. Она охватывала не только область детских вещей, но и область игр.

Библиографический список

- Абаев В.И.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 84–89.
- Абрамзон С.М.* Рождение и детство киргизского ребенка // Сборник МАЭ. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 78–138.
- Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск, 2002. Кн. 1. 216 с.
- Асатрян Г.С.* Обряды детства и воспитание детей в традиционной культуре персов // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983. С. 68–88.
- Байбурун А.К.* Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 257–265.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994. 208 с.
- Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. 362 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. 408 с.
- Грачева Г.Н.* Возрастные категории и погребальный обряд у нганасан // Из истории Сибири. Томск, 1976. С. 241–250.
- Денисов И.В.* Могильники эпохи бронзы Обилькинского Луга близ Соль-Илецка // Археол. памятники Оренбуржья. Оренбург, 2001. Вып. 5. С. 38–48.
- Дыренкова Н.П.* Несколько способов охранения ребенка у шорцев // Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая: статьи и этногр. матер. СПб., 2012. С. 245–255.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988. 184 с.

- Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии II. Запреты в домашней жизни // Сборник МАЭ. Л., 1930. Т. 9. С. 1–166.
- Итс Р.Ф. Введение в этнографию. М., 1974. 160 с.
- Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник МАЭ. Л., 1927. Т. 6. С. 19–36.
- Косинцев П.А. Животные в жертвенных комплексах могильника Кривое озеро. Приложение 6 // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С. 333–344.
- Костюков В.П., Етимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 156–207.
- Крамарев А.И., Кузьмина О.В. Кости животных в погребальном обряде срубной культуры // XIV Урал. археол. совещание: тез. докл. Челябинск, 1999. С. 83–87.
- Кулемзин В.М. Отдельные штрихи к портрету хантыйской культуры // Угры: Матер. VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 380–385.
- Куприянова Е.В. Половозрастная стратификация как аспект культурного своеобразия древних обществ (по материалам некрополей бронзового века Зауралья) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 321–327.
- Литвиненко Р.А. Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 62–66.
- Марков С.С. Астргалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // Вестник общества открытых исследований древности. Челябинск, 2002. С. 39–48.
- Моногарова Л.Ф. Таджики // Народы и религии мира. М., 2000. С. 507–509.
- Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье // Археология России. Свод археологических источников. В1–10. Саратов, 1993. Т. 1. 201 с.
- Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924–1935 гг.) // Сборник МАЭ. М.; Л., 1957. Т. 17. С. 22–94.
- Попова Л.Ф., Старостина О.В. Знаковая маркировка возраста в женских прическах народов Средней Азии и Казахстана // Лавровский сборник: матер. Среднеазиатско-Кавказских исследований: этнология, история, археология, культурология, 2006–2007. СПб., 2007. С. 176–181.
- Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро. Приложение 7 // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С. 345–360.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. 209 с.
- Сорокин В.С. Могильник бронзового века Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. М.; Л., 1962. № 120. 207 с.
- Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М., 1972. 168 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск, 1989. 243 с.
- Шагапова Г.Р. Семантика игровой культуры башкирского этноса. Уфа, 2010. 152 с.
- Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Новые краинологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья. Приложение 3 // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994. С. 186–205.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.01.2014

CHILDREN'S BURIALS WITH THE SETS OF ASTRAGALS AS A REFLECTION OF CHILDREN'S SPHERE OF SACREDNESS

S. V. Sotnikova

Tobolsk State Social and Pedagogical Academy named after D.I. Mendeleev, Znamenskogo str., 58, 626150, Tobolsk, Russia
svetlanasotnik@mail.ru

The article analyzes children's burials with sets of astragals which were found in the Bronze Age monuments of the Eurasian steppes (Sintashta, Petrovka, Potapovo types, the Alakul and the Sрубna cultures). The researchers associate the population of those cultures with the Indo-European or Indo-Iranian traditions. The author divides the burials into two age groups: 1 - from infancy to 5-6 years, 2 - from 6-7 to 13-15 years, but only the first group is under

investigation. To substantiate the division the ethnographic materials from the Iranian peoples or the peoples having Indo-Iranian and Indo-European origin are used in the article. The lack of children's gender identification was a special feature of the investigated group which is caused by the fact that the acquisition of gender differences occurred during special rituals in the age of 5-7 years. The astragals had, first of all, a protective function and were sacred objects in the analyzed burials. They also served as a toy to amuse a child. Other things found in the same burials (fangs, shells, knives, axes, adornments) were not gender markers of the child and served as talismans as well. The author concludes that there was a special children's sphere of sacredness which was extended not only to the area of children's things, but also to their games.

Key words: the Bronze Age, Sintashta type, Petrovka type, Potapovo type, the Alakul Culture, The Srubna Culture, burial, game, sacred sphere of life.

References

- Abaev V.I.* Doistoriya indoirantsev v svete ario-ural'skikh yazykovykh kontaktov // *Etnicheskie problemy istorii Tsentral'noy Azii v drevnosti*. M., 1981. S. 84–89.
- Abramzon S.M.* Rozhdenie i detstvo kirgizskogo rebenka // *Sbornik MAE*. M.; L., 1949. T. 12. S. 78–138.
- Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika). Chelyabinsk, 2002. Kn. 1. 216 s.
- Asatryan G.S.* Obryady detstva i vospitanie detey v traditsionnoy kul'ture persov // *Etnografiya detstva. Traditsionnye formy vospitaniya detey i podrostkov u narodov Peredney i Yuzhnoy Azii*. M., 1983. S. 68–88.
- Bayburin A.K.* Obryadovye formy polovoy identifikatsii detey // *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya*. SPb., 1991. S. 257–265.
- Vasil'ev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P.* Potapovskiy kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge. Samara, 1994. 208 s.
- Vinogradov N.B.* Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e. Chelyabinsk, 2003. 362 s.
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V.* Sintashta: arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey. Chelyabinsk, 1992. 408 s.
- Gracheva G.N.* Vozrastnye kategorii i pogrebal'nyy obryad u nganasan // *Iz istorii Sibiri*. Tomsk, 1976. S. 241–250.
- Denisov I.V.* Mogil'niki epokhi bronzy Obil'kinogo Luga bliz Sol'-Iletska // *Arkheol. pamyatniki Orenburzh'ya*. Orenburg, 2001. Vyp. 5. S. 38–48.
- Dyrenkova N.P.* Neskol'ko sposobov okhraneniya rebenka u shortsev // *Dyrenkova N.P. Tyurki Sayano-Altaya: stat'i i etnogr. mater.* SPb., 2012. S. 245–255.
- Zdanovich G.B.* Bronzovyy vek Uralo-Kazakhstanskikh stepey. Sverdlovsk, 1988. 184 s.
- Zelenin D.K.* Tabu slov u narodov Vostochnoy Evropy i Severnoy Azii II. (vtoraya chast' stat'i) Zaprety v domashney zhizni // *Sbornik MAE*. L., 1930. T. 9. S. 1–166.
- Its R.F.* Vvedenie v etnografiyu. M., 1974. 160 s.
- Karunovskaya L.E.* Iz altayskikh verovaniy i obryadov, svyazannykh s rebenkom // *Sbornik MAE*. L., 1927. T. 6. S. 19–36.
- Kosintsev P.A.* Zhivotnye v zhertvennykh kompleksakh mogil'nika Krivoe ozero. Prilozhenie 6 // *Vinogradov N.B. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e*. Chelyabinsk, 2003. S. 333–344.
- Kostyukov V.P., Epimakhov A.V., Nelin D.V.* Novyy pamyatnik sredney bronzy v Yuzhnom Zaural'e // *Drevnie indoiranskije kul'tury Volgo-Ural'ya (II tys. do n.e.)*. Samara, 1995. S. 156–207.
- Kramarev A.I., Kuz'mina O.V.* Kosti zhivotnykh v pogrebal'nom obryade srubnoy kul'tury // *XIV Ural. arkheol. soveshchanie: tez. dokl.* Chelyabinsk, 1999. S. 83–87.
- Kulemzin V.M.* Otdel'nye shtrikhi k portretu khantyyskoy kul'tury // *Ugry: Mater. VI Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri»*. Tobol'sk, 2003. S. 380–385.
- Kupriyanova E.V.* Polovozrastnaya stratifikatsiya kak aspekt kul'turnogo svoeobraziya drevnikh obshchestv (po materialam nekropoley bronzovogo veka Zaural'ya) // *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya*. Samara, 2001. S. 321–327.
- Litvinenko R.A.* Nekotorye cherty polovozrastnoy organizatsii srubnykh mogil'nikov Donetskogo regiona // *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey v sisteme vostochnoevropeyskogo bronzovogo veka*. Volgograd, 1996. S. 62–66.
- Markov S.S.* Astragaly v pogrebal'noy obryadnosti epokhi bronzy Yuzhnogo Zaural'ya // *Vestnik obshchestva otkrytykh issledovaniy drevnosti*. Chelyabinsk, 2002. S. 39–48.
- Monogarova L.F.* Tadzhiiki // *Narody i religii mira*. M., 2000. S. 507–509.
- Pamyatniki srubnoy kul'tury: Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e // *Arkheologiya Rossii. Svod arkheologicheskikh istochnikov*. VI–10. Saratov, 1993. T. 1. 201 s.
- Peshchereva E.M.* Igrushki i detskie igry u tadjhikov i uzbekov (po materialam 1924–1935 gg.) // *Sbornik MAE*. M.; L., 1957. T. 17. S. 22–94.

- Popova L.F., Starostina O.V.* Znakovaya markirovka vozrasta v zhenskikh pricheskakh narodov Sredney Azii i Kazakhstana // Lavrovskiy sbornik: mater. Sredneaziatsko-Kavkazskikh issledovaniy: etnologiya, istoriya, arheologiya, kul'turologiya, 2006–2007. SPb., 2007. S. 176–181.
- Rykushina G.V.* Antropologicheskaya kharakteristika naseleniya epokhi bronzy Yuzhnogo Urala po materialam mogil'nika Krivoe Ozero. Prilozhenie 7 // Vinogradov N.B. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e. Chelyabinsk, 2003. S. 345–360.
- Sagalaev A.M., Oktyabr'skaya I.V.* Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual. Novosibirsk, 1990. 209 s.
- Sorokin V.S.* Mogil'nik bronzovogo veka Tasty-Butak I v Zapadnom Kazakhstane // MIA. M.; L., 1962. № 120. 207 s.
- Stokolos V.S.* Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya (khronologiya i periodizatsiya). M., 1972. 168 s.
- Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Chelovek. Obshchestvo / L'vova E.L., Oktyabr'skaya I.V., *Sagalaev A.M., Usmanova M.S.* Novosibirsk, 1989. 243 s.
- Shagapova G.R.* Semantika igrovoy kul'tury bashkirskogo etnosa. Ufa, 2010. 152 s.
- Yablonskiy L.T., Khokhlov A.A.* Novye kraniologicheskie materialy epokhi bronzy Samarskogo Zavolzh'ya. Prilozhenie 3 // Vasil'ev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P. Potapovskiy kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge. Samara, 1994. S. 186–205.